

УДК 82.0:061.2
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

СВЕТ И ТЕНИ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ
Рец. на кн.: Литературоведение на современном этапе: Теория.
История литературы. Творческие индивидуальности [Текст] :
материалы Междунар. конгр. литературоведов.
К 125-летию Е.И. Замятина / отв. ред. Л. В. Полякова. –
Тамбов : ТГУ, 2009. – 710 с.

В.С. Воронин

Многообразные по темам и методу, стилю и глубине анализа литературоведческие работы, составившие объемистый том трудов, выпущенный Тамбовским университетом, объединены задачей соотношения состояния сегодняшнего литературоведения с результатами изучения творчества Е.И. Замятина.

Сборник трудов организован четко выверенной двухчастной композицией. Каждая часть разбита на 4 подраздела. В литературоведческой части работы теоретического и методологического плана предваряют частные исследования поэтики отдельных произведений, их контекста и интертекста. Впечатляет амплитуда затронутых тем в зарубежной и русской литературе: от В. Шекспира до Д. Лоуренса и Б. Шоу; от «Слова о полку Игореве» до Л. Улицкой. Авторы и теоретических статей, и анализов отдельных произведений блещут эрудицией, используют разнообразные методики и подходы к анализу явлений литературы и искусства. Исследуется соотношение диалога культур и интертекстуальности (И. Шайтанов), реализма и модернизма (М. Голубков), в той или иной мере затронут психоанализ З. Фрейда (М. Уюкбаева), изложены основы нарратива (С. Панов, С. Ивашкин), энергетизма (Л. Геллер), учения о доминанте А.А. Ухтомского (Е. Копченко). Есть и постановка дискуссионных проблем, и интересные на-

ходки, и перспективные сопоставления, но не всегда достаточно ясно ведется изложение материала. Увлекаясь научным стилем, авторы иногда теряют меру. Скажем, многократно процитировав книгу Ж. Рансьера «Имена истории. Опыт поэтики знания», С. Панов и С. Ивашкин пишут «Литературное письмо – сценография бессмысленного, отклоняющая любое телеологическое завершение, неоформляемая форма форм, приоткрывающая всегда «неравное» равенство горизонтов автора и героя в их неразрешимых отношениях, ставших меткой русского литературного письма XX века» (с. 88). Если исследователи допускают «всегда “неравное” равенство», то почему не допустить, что литературное письмо хотя бы иногда еще и осмысление бессмысленного, а иногда даже и имеющего смысл. Право же, так будет точнее!

В собственно замятинской части на первом плане оказались статьи и исследования автобиографического характера. В статье Дж.А.Е. Кертис «Е.И. Замятин и В.С. Познер: Заметки к теме “Замятин в Париже”» (J.A.E. Curtis «E.I. Zamiatin and V.S. Pozner: towards the theme “Zamiatin in Paris”») сообщает ряд интересных подробностей о поэте и литературоведе Владимире Познере, много способствовавшем замятинскому приезду во Францию и, возможно, предпринимавшем определенные ишаги для

обратного возвращения писателя в Россию в 1934 году.

Н.Н. Комлик и Н.С. Замятина публикуют материалы о «малом мире», окружавшем Е.И. Замятина с детских лет, показывают «обыкновенную образцовость» семьи Е. Замятина с ее трудолюбием, честностью, состраданием, выявляют вписанность этого малого мира в тревоги и события большой истории. В объективе исследований оказывается онейрология (Г.З. Горбунова) и типология звукообразов прозы (К.В. Дьякова), говорится о проекте замятинской энциклопедии (Т.Т. Давыдова). Второй подраздел посвящен в основном роману «Мы». Отметим здесь интересную и обстоятельную статью В.В. Колчанова, посвященную мистериальным аллюзиям и нумерологии замятинского романа. В третьем подразделе размещены работы, где в фокусе внимания оказались другие произведения Е.И. Замятина, в четвертом – объединены статьи, сопоставляющие замятинскую художественную систему с поэтикой отечественных и зарубежных авторов.

Среди концептуальных статей выделяется работа Л. Геллера «Оствальд, Богданов, Малевич и многие другие. Заметки о судьбах русского энергетизма». Автор приводит формулу человеческого счастья, данную Оствальдом: $G = E^2 - W^2$, где G – счастье, E – символ приятных, а W – неприятных затрат энергии» (с. 30). В русском общественном сознании, начиная с поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», счастье могло оказаться и несчастьем: «путь славный, имя громкое» могли означать «чахотку и Сибирь». Русский путь сопряжен с ростом и E , и W , проходит под угрозой нулевого или негативного счастья. На наш взгляд, загадка не в том, что энергетизм оказался близок русскому искусству и литературе, а в переоценке негативного начала, которое почему-то оказывается положительным. Загадка не в исходных посылах, а в способе преобразования почти ничего в почти все. И это не только «Интернационал». «И так близко подходит чудесное / К развалившимся грязным домам... / Никому, никому не известное, / Но от века желанное нам» [1, с. 161], напишет А. Ахматова в стихотворении 1921 года. Энтропия в этом художественном мире определенно возраста-

ет, но положительная энергия чудес от этого только как бы увеличивается. Работа Л. Геллера обладает всеми достоинствами и недостатками энциклопедизма и упускает тот факт, что в современном естествознании энтропия, против которой призывает бороться автор, вовсе не однозначно является мерой беспорядка, «вырождения энергии». И, как говорит С.Д. Хайтун: «Текущие взаимодействия порождают все новые и новые структуры, а следовательно, и все новые и новые взаимодействия, которые все дальше и дальше отодвигают равновесное состояние, являющееся, таким образом, для наблюдаемого мира фикцией» [6, с. 79]. Кроме того, как нам кажется, на русское искусство и литературу прошлого порубежья веков большое влияние оказала не только идеология, но и общественная психология с ее страстным желанием перемен к лучшему.

Поиск, предпринятый Л.В. Поляковой в статье «Натурфилософская парадигма современной науки о литературе и “Письма об изучении природы” А.И. Герцена: методологический аспект», нацеливает нас на сближение философской и филологической парадигмы. Кроме Герцена затрагивается П. Чаадаев, И. Гете, К. Маркс, М. Бубер, М. Бахтин – все это работает на концепцию автора статьи, в которой угадываются ценные выводы. Но цитировать великих надо осторожно. Нам не кажется бесспорным утверждение Герцена, что «Илиада» и «Одиссея» более интересны и родственны нам, чем «Махабхарата». Все это связано лишь с нашим образованием, и средним, и высшим. А такая цитата из Гете: «Природа! Окруженные и охваченные ею, мы не можем ни выйти из нее, ни глубже в нее проникнуть» (с. 51). Бесспорно, что выйти из нее мы не можем, поскольку сами являемся ее частью, однако проникнуть глубже – можем. Это с успехом делает человек на протяжении многих веков. И доверчивость Гете по отношению к природе в высшей мере наивна: «Я доверяю ей, пусть она делает со мной что хочет» (с. 52). На наш взгляд, здесь нужно выделить два аспекта. Индивидуально, да. У индивида нет другого выхода, как довериться природе. Большая группа людей, человечество в целом не может игнорировать разрушительную мощь при-

роды. Ф. Тютчев тоже восхищался природой, но вместе с тем замечал, что «Природа – сфинкс, и тем она верней, / Своим искусом губит человека, / Что, может статься, никакой от века / Загадки не было и нет у ней» [4, с. 248]. В «центральной идее философии Бубера – бытие как диалог между богом и человеком, человеком и миром» (с. 54), не упомянут диалог между человеком и человеком? Или он небытиен? Или оставлен только для атеистов? На наш взгляд, истоки идей М. Бубера, изложенных в книге «Я и Ты», нужно искать не в Марбургской школе неокантианства с ее «философией диалога», а в работе Л. Фейербаха «Сущность христианства». Здесь с классической ясностью немецкий философ заметил: «Человек есть и «я», и «ты»: он может поставить себя на место другого именно потому, что объектом его сознания служит не только его индивидуальность, но и его род, его сущность» [5, с. 31].

Некорректно сейчас вспоминать Фейербаха, за которым марксизм с его знаменитым тезисом, что человек – «совокупность всех общественных отношений».

Болезнь некритического отношения к высказываниям коллег мешает литературоведческой науке взглянуть на явление со стороны реальности. Так, Д.А. Бестолков в статье «Маяковский на страницах новейших изданий» приводит цитату о том, что творчество поэта «даже в условиях существования в российском обществе *совершенно новых* (выделено мною. – В. В.) политических, экономических и социальных ориентиров и реалий не утратило художественной притягательности». А так ли они новы, эти условия? Гиперинфляция, безработица, обесценившаяся человеческая жизнь, культ денег, объявление белого черным и обратно, разве Маяковский этого не переживал? Увы! В архив сдана диалектика, выученная рабочим классом, «когда под пулями от нас буржуи бегали, как мы когда-то бегали от них» [3, с. 429]. Маяковский, к сожалению, не может сегодня «оглушить трехпалым свистом» современное российское буржуазное свинство. Надо сказать, что более культурно *совершенно новые ориентиры* осудили А. Солженицын, В. Максимов (ему в сборнике посвящено 6 работ). Коротко, но

внятно об этом сказано в статье И.В. Алейхиной «Функциональность названий в публицистике Владимира Максимова».

Чрезвычайно интересная статья М.М. Голубкова «Как наткнуть палец на модернизм? (Эстетика модернизма в русской литературе первой половины XX века)» написана не без иронии и с привлечением ссылок на выводы ряда крупных физиков, философов и психологов. Приведены различные взгляды на сущность модернизма. Автор полагает, что не следует угадывать самое верное определение модернизма. Следует вести комплексный учет всех признаков модернизма. Но если выделять комплекс признаков модернизма, то необходимо назвать доминантный признак, определить степень значительности каждого из них. Конечно, задача не из простых. Суть модернистского взгляда видится автору не в «гротескно-фантастической образности, принципиальном разрыве с поэтикой жизнеподобия», а в «отказе от рационального объяснения характера и обращении к рационально непознаваемому» (с. 73). И все же в работе, начиная с названия, с упоминания того, что это название использовал не поэт, а именно князь Вяземский, есть что-то грустно повторяющееся в нашей истории. Автор говорит о признаках не модернизма, а нового художественного языка, сформировавшегося на рубеже XIX–XX веков. Понятно, почему. Зачисление Бунина и Солженицына в модернисты даже при открытии «художественной революции» на том же рубеже выглядит несколько натянуто, а использование нового художественного языка вполне понятно. Куда ж от него денешься? О кризисе реализма советские литературоведы писали давно, и Горький, кстати, в письме к Чехову говорил, что тот довел реализм до предельной черты. Только раньше считалось, что из кризиса реализма родился социалистический реализм, теперь же победителем оказывается модернизм, а реализму оставлен «квартирный вопрос» (там же).

В этом же современном духе Т.Д. Белова в статье «Смысл и функция образа заглавного героя в книге М. Горького “Жизнь Клима Самгина”» пишет: «Глазами Самгина-младшего мы видим страшные сцены жестокого убийства ослепшего дьякона на Арбатс-

кой площади простолоудином-дружинником и безучастное отношение к этому факту руководителей Московского восстания, среди которых оказался Кутузов» (с. 221). Читать надо внимательнее, с учетом многомерности каждой детали Горького. Дружинниками в те дни называли как раз защитников баррикад. Рабочих. А убийство совершает человек, идущий вместе с солдатами это московское восстание подавлять. То есть черносотенец. Пришпешник контрреволюции. Причем начинают это убийство и заканчивают его «гнилые солдатики». А штатский, совершив убийство, снимает шапку и крестится на церковь. Вы не догадываетесь, почему в объектив исследовательницы эта мелочь не попала? Не в тон современной эпохе.

Каждая деталь в горьковском повествовании многоаспектна. Дьякон, кроме того, автор богоборческих стихов и поэм, в финале одной из которых говорится: «Ты, Христос, на нас не обижайся, / Мы тебя, Исус, не забываем, / Мы тебя и ненавидя – любим, / Мы тебе и ненавистью служим» [2, с. 443]. И назвать безучастным отношение революционеров к истерике Самгина никак нельзя. Им не нужно разжигать панику. А Самгина Алексей Гогин успокаивает настолько, что поручает ему передать записку товарищу Якову. Таким образом, смерть

дьякона – это слишком многомерный символ. Его нельзя сводить к одной координате.

Следует признать, что наши замечания носят частный характер. В целом же рецензируемый сборник материалов международного конгресса литературоведов является большим вкладом в историю и теорию литературы. Он пронизан стремлением исследователей соответствовать уровню анализируемых ими явлений искусства и литературы во всей их сложности и многосвязности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахматова, А. А. Соч. : в 2 т. Т. 1 / А. А. Ахматова. – М. : Правда, 1990. – 448 с.
2. Горький, М. Жизнь Клима Самгина / М. Горький // Собр. соч. : в 25 т. Т. 21. – М. : Наука, 1974. – 576 с.
3. Маяковский, В. В. Во весь голос / В. В. Маяковский // Соч. : в 2 т. Т. 2. – М. : Правда, 1988. – 768 с.
4. Тютчев, Ф. И. Полное собрание стихотворений / Ф. И. Тютчев. – Л. : Сов. писатель, 1987. – 448 с.
5. Фейербах, Л. Избранные философские произведения : в 2 т. Т. 2 / Л. Фейербах. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. – 944 с.
6. Хайтун, С. Д. Феномен человека на фоне универсальной эволюции / С. Д. Хайтун. – М. : КомКнига, 2005. – 536 с.